

Антон Николаев

Сделка с тишиной

Антон Николаев

Сделка с тишиной

<https://litres.ru/74182929>

SelfPub; 2026

Аннотация

Говорят, демоны приходят ночью. Но Юлька поняла, что они живут в тишине. В той самой звенящей тишине, когда мама смотрит на дорогу и не отвечает на вопросы. В тишине, которая становится громче гула мотора и стука дождя по крыше.

Чтобы выжить, Юлька заключила сделку: она будет молчать, чтобы не тревожить эту хрупкую тишину. Но сделка с тишиной — самая опасная. Потому что, когда ты перестаёшь говорить, демоны начинают шептать за тебя.

Дом на холме уже виден сквозь пелену дождя. И он знает про эту сделку.

Пронзительный психологический триллер о том, как реальность начинает трещать по швам, когда тебе некому сказать: «Мне страшно».

Содержание

Глава 1	4
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Антон Николаев

Сделка с тишиной

Глава 1

Дождь оседал на город тяжёлой, непроницаемой вуалью. Он размывал контуры домов и деревьев, превращая пейзаж за окном в серое, текучее ничто. Казалось, если дождь не прекратится, этот город просто смоет, как неудачный набросок, и останется только дорога, уходящая в никуда.

На заднем сиденье, сжавшись в тугой комок, сидела Юля. Рыжие волосы, небрежно собранные в хвост, растрепались; отдельные пряди липли к бледному лицу. На коленях она держала старого плюшевого медведя — потрёпанного, с чуть облезлой шерстью. Он был единственным предметом, который не изменился, единственным якорем в этом плывущем пространстве.

В ушах тихо звучала иностранная баллада — тягучая, минорная, на языке, который она не понимала. Слова были лишними. Музыка служила лишь барьером, тонкой перегородкой между ней и оглушающей тишиной салона.

За рулём сидела мама. Лет сорока, но в свете приборной панели она выглядела гораздо старше. Лицо было изрезано тенями, а глаза, не отрываясь, смотрели на узкую полосу

мокрого асфальта, исчезающую под капотом. Пальцы, побелевшие на руле, сжимали его с такой силой, будто от этого зависела не просто траектория машины, а сама возможность удержать реальность от распада.

Они молчали. Это молчание не было враждебным. Оно было хрупким, как тонкий лёд: любое слово, сказанное не тем тоном, могло его проломить, и тогда наружу хлынет всё то, о чём они договорились не говорить.

— Держи, — мама чуть повернула голову, не отрывая взгляда от дороги, и протянула назад бумажный стаканчик. — Кофе. Наверное, уже остыл. Прости.

Юля взяла стаканчик. Картон был влажным от конденсата, тепло едва пробивалось сквозь пальцы. Она кивнула, не глядя.

— Спасибо, — прошептала она. Звук собственного голоса прозвучал в салоне неожиданно чуждо, но она была рада ему. Хотя что-то живое.

Мама кивнула и снова уставилась вперёд. Дворники мерно ходили по стеклу, сгребая потоки воды, но дождь был сильнее.

Вдруг стекло словно поплыло. Не от дождя. А от картинки, которая на секунду наложилась поверх реальности.

Кабинет врача был стерильно белым и до тошноты тихим. Но Юля знала, что в коридоре гудит лампа дневного света. Она всегда гудела. А сейчас — тишина. Врач смотрел на неё поверх очков, постукивая ручкой по столу. Звук был.

Юля слышала его. Но он был неправильным. Как будто шёл не из ручки, а откуда-то из-под пола.

«Ты слышишь это?» — спросила Юля, тыча пальцем в сторону коридора. — «Там должна гудеть лампа».

Врач мягко улыбнулся. Тот самый взгляд, который Юля уже научилась ненавидеть: смесь жалости и лёгкого раздражения. «Юля, там нет никакой лампы. Ты прошла все тесты. Твой слух в норме. Это просто стресс. Переходный возраст. Тебе нужно больше отдыхать».

Она сжала кулаки так, что ногти впились в ладони. Боль была настоящей. Звук лампы — тоже. Но если врач говорит, что его нет, значит, проблема в ней. Значит, она сходит с ума.

Картинка растаяла. Юля моргнула, возвращаясь в машину. Сердце колотилось где-то в горле, перекрывая шум дождя. Она судорожно сжала медведя, чувствуя пальцами жёсткую ткань.

— Прости, — выдохнула мама, не сводя глаз с дороги. — Я не хотела. Просто ты так замерла я испугалась, что опять

— Всё нормально, — хрипло сказала Юля. Она вытащила один наушник. Музыка кончилась. В салоне повисла тишина, и в этой тишине каждый звук казался предательски громким: скрип руля, тяжёлый вздох мамы, стук капель по крыше.

Но Юля знала: это настоящие звуки. Те, что не исчезают. Снова накатило. Не воспоминание даже, а ощущение.

Школьный коридор. Толпа. Все кричат, смеются, толкаются. Обычный ад перед уроками. Юля шла по краю, стараясь не задевать никого плечами. И вдруг — провал. Как будто кто-то резко выкрутил громкость на ноль. Смех оборвался. Топот ног исчез. Остался только гул в ушах, такой плотный, что казалось, он может раздавить голову.

Юля остановилась, оглядываясь. Никто не заметил. Все продолжали открывать рты, махать руками, но для неё это было немое кино. Она открыла рот, чтобы закричать: «Вы слышите?!» — но собственный голос прозвучал глухо, как сквозь подушку.

А потом началось. Сначала шептались. Потом кто-то хихикнул. «Эй, Юля, ты чего застыла? Призрака увидела?» — крикнул кто-то сзади. «Да она просто притворяется, чтобы не идти на контрольную!» — подхватил другой голос. «Слышишь меня, сумасшедшая?» — и кто-то щёлкнул пальцами прямо у неё перед лицом. Юля видела щелчок. Но не слышала его.

Она побежала. Не от смеха. А от этой ватной тишины, которая пожирала всё вокруг.

Юля дёрнулась, сбрасывая с себя этот коридор, как тяжёлое мокрое пальто. Она посмотрела на маму. На её уставшее, изрезанное тенями лицо. Юля знала, почему они уезжают. Не потому что мама поверила в её звуки. А потому что мама увидела, как Юля смотрит на мир — с ужасом человека, который понимает, что сходит с ума, и не может никого убе-

дить в обратном. Мама увезла её, чтобы спасти от школы, от врачей, от ярлыка. Даже если сама не верила в эти пропадающие звуки.

— Скоро будем, — тихо сказала мама, скорее для того, чтобы услышать собственный голос, чем чтобы успокоить дочь. — Дом небольшой. Там сухо. И тихо.

Слово «тихо» повисло в воздухе, плотное и тяжёлое. Юля невольно вздрогнула. Тишина теперь пугала её больше любого шума. В ней слишком громко звучали невысказанные вещи.

Машина медленно вползала на холм. Мотор натужно гудел, борясь с уклоном и потоками воды.

Сквозь серую пелену впереди, словно силуэт из дурного сна, проступил дом. Он стоял на вершине холма, тёмный, приземистый, будто вросший в землю корнями. Не страшный. Просто чужой. Чужой настолько, что от одного его вида по спине бежали мурашки.

Мама сбросила скорость. Её пальцы на руле чуть расслабились, но не до конца. Как будто она всё ещё ждала подвоха от этой дороги, от этого вечера, от самой жизни.

— Вот он, — выдохнула она. Голос звучал так, словно она только что вынырнула из воды после долгого погружения. — Наш новый дом.

Юля смотрела на него и не чувствовала ничего, кроме пустоты. Ни надежды, ни страха — только ровную, холодную пустоту. Дом не обещал спасения. Он обещал лишь пере-

дышку от дождя.

Но где-то глубоко внутри, там, где прятался самый сильный страх, Юля знала правду: тишина внутри будет другой. В этой тишине звуки не пропадут. Они будут прятаться. И ждать.

Мотор заглох.

Щелчок открывающейся двери прозвучал в тишине салона неожиданно громко, как выстрел.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.